

Врач наложил Хань Цицину свежую повязку. Из-за попавшей воды рана успела загноиться, и к вечеру у юноши поднялся сильный жар, но в целом ситуация оставалась под контролем.

Однако столь тяжелая реакция организма превзошла все ожидания Чжоу Туна. Заглянув в комнату больного, он обнаружил, что духовная ци в его меридианах бьется в лихорадочном беспорядке. Прежде плотное кольцо защитной энергии вокруг тела юноши теперь истончилось до предела — его неумолимо, крупца за крупцей, пожирала клубы темной обиды, сочившейся из алой родинки на мизинце.

Будь эта духовная ци по-прежнему сильна, Хань Цицин ни за что бы так не разболелся.

Чжоу Тун тихо вздохнул, мысленно коря себя за то, что недооценил мощь этой затаенной злобы. Казалось, с того самого момента, как они ступили под сень этих гор, зловещая сила лишь крепла. А если связать это с бесчинствами призраков в усадьбе Сун, в голове начинала вырисовываться смутная картина.

«Неужели рок Хань Цицина как-то связан с фэншуй усадьбы Сун? Или неупокоенная душа, терзающая этот дом, имеет отношение лично к нему?»

Однако до этого момента Хань Цицин никак не пересекался с семьей Сун. С чего бы местному призраку цепляться к нему? Неужели тот, с кем Хань Цицин когда-то заключил роковой договор, принадлежал к роду Сун?

Мир тесен, и подобное совпадение вполне могло оказаться правдой. Чжоу Тун попытался расспросить старую госпожу Сун, но та лишь покачала головой: за последние пару десятилетий в их доме никто не погибал при странных обстоятельствах, жизнь шла своим чередом.

Ниточка снова оборвалась.

Одиннадцать часов вечера

Около одиннадцати часов вечера все обитатели старого поместья разошлись по спальням. Из-за непрекращающегося проливного дождя единственную горную дорогу завалило, отрезав усадьбу от внешнего мира, что нагоняло на людей немало страха. И хотя проблема с фэншуй была решена по большей части, а угроза со стороны потусторонних сил все еще висела над ними, на душе у жильцов стало спокойнее. В конце концов, под одной крышей с ними находился Небесный наставник Хань Цицин и еще один безвестный, но явно могущественный мастер. Каким бы призракам ни вздумалось здесь буянить, далеко им не уйти.

Полночь

К полуночи в доме погасли последние огни. Дом погрузился в глубокий сон.

Внезапно из подвала донесся глухой, мерный стук.

Звук быстро нарастал, пока не превратился в тяжелые, оглушительные удары, от которых содрогались стены. Проснувшийся от этого грохота дежурный охранник включил фонарик и нерешительно направился к лестнице, ведущей вниз. Близо подходить он не рисковал — надеялся лишь мельком заглянуть туда с безопасного расстояния.

Проведя рукой по шершавой стене в поисках выключателя, мужчина наконец нащупал пластиковую клавишу, но свет в коридоре перед подвалом так и не зажегся.

Охранник замешкался, решая, не лучше ли вернуться и позвать мастеров, как вдруг на его ладонь, все еще лежавшую на выключателе, опустилось нечто неописуемо холодное.

Это нечто напоминало ледяной булыжник, пролежавший в сугробе не одну неделю — твердое, окоченевшее, но при этом покрытое осклизлой, липкой гнилью. В тишине коридора раздался тошнотворный, влажный шлепок, когда мертвая плоть накрыла его пальцы.

Дрожа всем телом, охранник медленно повел лучом фонаря вверх по стене. Из темноты выплыло полуразложившееся лицо, на котором едва угадывались черты, а руку его сжимала усохшая, покрытая ошметками гнилого мяса костлявая кисть!

Мужчина истошно закричал и рванулся назад, пытаясь высвободить пальцы, но тварь мертвой хваткой вцепилась в его запястье. Беззубый рот покойника беззвучно зашевелился, словно пытаясь что-то выговорить, но иссохшие губы не слушались — из провалившегося горла вырывался лишь глухой, хриплый клекот.

Сгорбленный, обтянутый остатками серой кожи скелет с неожиданной силой потянул охранника на себя. Тот едва не рухнул в зловонные объятия мертвеца, но в самый последний момент уперся ногами в пол, налег всем телом назад и с силой дернул руку. Раздался сухой хруст — и полуистлевшая конечность трупа оторвалась в плечевом суставе!

Оказавшись на свободе, охранник с визгом бросился наутек, не разбирая дороги.

Оцепенение мертвеца длилось всего мгновение. Шлепая голыми костями по полу, он неуклюже припустил следом за убегающим человеком.

Чжоу Тун проснулся от первого же крика. Быстро натянув одежду, он распахнул дверь. Охранник неся из подвала в сторону гостиной, спотыкаясь в темноте и даже не пытаясь включить свет, а по пятам за ним, нелепо дергаясь, ковылял иссохший труп.

Испуганные вопли несчастного перебудили весь дом. Люди испуганно выглядывали из комнат и тут же заходились в истошном крике.

— Мамочки мои! — затрясся от ужаса Сун Сюань.

Он уже собрался юркнуть обратно в спальню и запереться, но Чжоу Тун крепко перехватил его за плечо.

— Там подвал? — быстро спросил он. — Тело твоей покойной прабабушки лежало там?

— Д-да... — едва выдавил помертвевший от страха юноша.

— Посмотри на браслет на ее запястье. Это ведь та самая метка, по которой твоя бабушка опознала тело?

— Да... точно она... — Сун Сюань побелел еще сильнее. В его голове сошлись воедино страшные догадки, и он взвизгнул: — Она что, восстала?!

— Восстала, — прищурился Чжоу Тун, оценивая обстановку. — Но как-то странно.

— Как это? — Сун Сюань спрятался за спину мастера, осторожно выглядывая из-за его плеча.

Иссохшая покойница, казалось, вовсе не собиралась никому вредить. Потеряв из виду охранника, она потерянно бродила по гостиной. Тот уже давно скрылся, а спускаться на первый этаж никто из жильцов не решался. Сделав круг, мертвая старуха направилась к лестнице. Сухой остов двигался с трудом — душа явно никак не могла освоиться в дряхлом, окоченевшем теле.

— Внутри этого праха заперта душа... — вслух размышлял озадаченный Чжоу Тун. — Она мертва уже столько лет, Жнецы давно должны были увести ее в Преисподнюю. Как душа могла уцелеть в останках?

— Мастер Чжоу! — Старая госпожа Сун, опираясь на трость, медленно спускалась с третьего этажа. — Умоляю, помогите!

— Это тело вашей бабушки.

Старуха тяжело вздохнула и кивнула:

— Да, это она. Но у нас нет другого выхода.

— Сделаем так, — предложил Чжоу Тун. — У вас найдутся жертвенные бумажные деньги?

— Есть! — тут же отозвалась пожилая женщина и обернулась к внуку: — Сюань-эр, быстро беги

в кладовую на чердаке и тащи сюда все бумажные деньги, какие найдешь!

— Хорошо, — парень испуганно глянул на Чжоу Туна и, поймав его ободряющий кивок, опрометью бросился на верхний этаж.

Вычислив по памяти стороны света и время, Чжоу Тун обратился к старой госпоже Сун:

— Из ее прямых потомков в живых остались только вы? Тогда придется вам немного потрудиться. Начинайте оплакивание.

— Хорошо, — кивнула старуха.

Справив дыхание, она запела ритуальный плач, обращаясь прямо к замершему на ступенях мертвецу:

— Горит, горит первая свеча, дым уходит в синее небо... Скорбные знаки на воротах, белые флаги у дверей... Пред алтарем вьется сизый дым, дабы уберечь тебя от бед, пришла я оплакать твои семь застав...

Старая госпожа Сун оказалась прирожденной актрисой. Едва начав петь, она мгновенно преобразилась: лицо осунулось, по морщинистым щекам покатились настоящие слезы.

Плач по семи заставам лился, полный неподдельного горя. Иссохший труп у подножия лестницы замер. Тварь застыла, безвольно опустив руки, словно вслушиваясь в похоронный мотив. Видя, что ритуал действует, старуха запела громче, вкладывая в голос всю душу:

— Плачу, плачу я по семи заставам... Вот и пятая застава позади... Пятая застава — врата Владыки Янь-вана, самый тяжелый путь для тебя, бабушка...

При этих словах мертвая старуха дернулась. Она медленно вскинула голову к поющей дочери, уставившись на нее темными, почти полностью истлевшими глазницами. Старая госпожа Сун вздрогнула от ужаса, и пение сорвалось.

Ухватившись уцелевшей рукой за перила, покойница быстро припустила вверх по ступеням. От ее костей исходила удушливая волна застарелой злобы, поднимаясь к потолку тяжелыми темными клубами. Старуха вцепилась в рукав Чжоу Туна:

— М-мастер...

— Тише, все в порядке, — не шелохнувшись, спокойно отозвался Чжоу Тун. Он пристально следил за приближающейся тварью. Старая госпожа Сун тяжело дышала, ее лицо побелело, а пальцы судорожно сжимали ткань его одежды, словно за последнюю соломинку.

Когда восставшая покойница была уже у перехода на второй этаж, Чжоу Тун крикнул Сун Сюаню, который как раз спускался с ворохом ритуальной бумаги:

— Неси младенца! Живо!

— Что?! — опешил тот.

— Нет времени объяснять, быстрее!

Сун Сюань швырнул пачки денег у порога, ворвался в детскую и выбежал обратно, держа на руках крепко спящего ребенка.

— И что теперь?! — растерянно уставился он на мастера.

— Заставь его плакать. Да погромче!

Сун Сюань лишился дара речи:

—...

— Живее! — прикрикнул Чжоу Тун.

Стиснув зубы, парень чувствительно ущипнул младенца за ножку. Малыш тут же зашелся оглушительным криком.

Мертвечина на лестнице мгновенно застыла. Оставив старую госпожу Сун, она с явной тревогой уставилась на плачущего младенца на третьем этаже, и окутывавшая ее темная дымка злобы начала стремительно таять.

— Не останавливайтесь, — скомандовал Чжоу Тун старухе. — Продолжайте петь.

В голове у старой госпожи Сун воцарилась звенящая пустота — она подчинялась приказам юноши беспрекословно. Собравшись с силами, она затянула ритуальную песнь дальше, до самой последней заставы:

— Плачу, плачу я по семи заставам... Вот и седьмая застава, врата Желтого источника... Дорога длинна и туманна... Золотой отрок укажет путь, Нефритовая дева пойдет рука об руку... Бабушка, садись на коня, садись в паланкин, легкой дороги тебе в Западный рай...

Чжоу Тун вскинул руку, останавливая ее, и повернулся к Сун Сюаню:

— Запомнил последние слова?

Юноша кивнул.

— Пусть ребенок плачет, а ты пой. Только вместо «бабушка» пой «мама».

Сун Сюань ошалело захлопал глазами:

—...

С трудом сглотнув слюну, он запел дрожащим, безбожно фальшивящим голосом:

— Мама... матушка, садись на коня, садись в паланкин, легкой дороги тебе в Западный рай...

— А-а-а-а! — истошно завывала покойница. Она подкосилась и рухнула на ступени, корчась от невыносимой муки.

— Бросай бумагу сюда! — крикнул Чжоу Тун.

— Сейчас! — Сун Сюань бережно опустил плачущего ребенка на пол, схватил пачки жертвенных денег и швырнул их вниз.

Чжоу Тун подхватил бумагу потоком духовной энергии, аккуратно разложив ее вокруг бьющегося в судорогах тела, и резким жестом выбросил вперед Талисман Девяти Фениксов для Очищения от Скверны.

Вспыхнувшее пламя мгновенно охватило жертвенные подношения. Бушующий огонь поглотил иссохшие останки. Сквозь багровые языки пламени было видно, как неестественно извивается охваченный огнем скелет, а его пронзительный, потусторонний визг заставил мелко дрожать хрустальные подвески на люстрах.

Вдруг из горящего праха вырвался призрачный силуэт. Душа была истощена до предела — полупрозрачная фигура с разметавшимися длинными волосами едва удерживала очертания и могла растаять в любую секунду.

Разглядев лицо призрака, старая госпожа Сун в ужасе отшатнулась:

— Ц-Цзэн Жоу...

— Хе-хе... — слабо рассмеялась Цзэн Жоу, устремив на Чжоу Туна полный яда взгляд. — Раз уж ты столь всемогущ... почему не помешал ей убить меня?!

— У каждого своя судьба, предначертанная Небесным Дао. Я не могу идти наперекор воле Жнецов Преисподней. К тому же, твоя гибель стала неожиданностью и для меня. Дело не в моем нежелании — у меня попросту не было возможности спасти тебя.

— Лжец! — Вся накопленная ярость Цзэн Жоу хлынула на юношу. — Ты мог спасти меня! Мог!.. Но пальцем не шевельнул, а теперь явился, чтобы развеять мою душу в прах!

— Напраслину возводишь, — устало вздохнул Чжоу Тун, пожимая плечами. — Хотел бы я развеять твою душу — направил бы Талисман Девяти Фениксов прямо в тебя, а не в ритуальную бумагу. — На его губах заиграла мягкая, успокаивающая улыбка. — Раз уж земной путь окончен, ступай на перерождение. Но перед этим скажи: кто лишил тебя жизни? Назови имя, и, быть может, я смогу отомстить за тебя.

— Кто... — Душа Цзэн Жоу мелко задрожала, тускнея. — Кто... кто убил меня?.. Женщина! Да, это была женщина! Нет... призрак... это была женщина-призрак... — Мысли покойницы путались, она лепетала бессвязно: — Я не знаю ее... Зачем она лишила меня жизни? Она кричала, что я тронула ее вещь... Что за вещь? Кто она... кто меня убил?

Чжоу Тун промолчал:

—...

«С тобой все в порядке?» — Чжоу Тун сочувственно созерцал несчастный дух. Обычно души новопреставленных пребывают в смятении, но разум Цзэн Жоу оказался поврежден непомерно сильно. Вероятно, страшная смерть и запредельная обида не позволили ей уйти. В беспомощности она укрылась в иссохшем теле прабабушки Сун Сюаня, умудрившись избежать когтей Жнецов. Однако теперь, когда ритуальные деньги сожжены, а «Плач по семи заставам» спет, посланники Подземного мира не заставят себя ждать.

Едва он об этом подумал, как над тлеющим пеплом закружились хлопья сажки, соткавшиеся в два зловещих силуэта.

Черное Непостоянство Фань Уцзю застыл с каменным, суровым лицом, не проронив ни слова при виде Чжоу Туна. Белое Непостоянство Се Биань, напротив, так и лучился фальшивым дружелюбием. Кокетливым жестом он втянул обратно в пасть свисающий до груди предлинный язык и ухмыльнулся:

— А, малец. Твоих рук дело? Это ты отворил Врата Инь?

— Моих, — подтвердил Чжоу Тун. — Эта неупокоенная душа сеет смуту в мире живых и противится кругу перерождений. Прошу вас, почтенные господа, забрать ее в Преисподню.

— Превосходно, — сощурился Се Биань. — Эта грешница еще при жизни натворила немало

бед, и Владыка Янь-ван лично приказал доставить ее на суд. Вчера она умудрилась ускользнуть от наших ищеек, так что ты оказал нам неоценимую услугу, парень.

— Пустяки, — вежливо улыбнувшись, отозвался Чжоу Тун.

— Мы, Непостоянства, всегда платим по счетам. Говори, какую награду желаешь получить?

— В награде нет нужды. Позвольте мне лишь заглянуть в воспоминания этой души о ее последних мгновениях.

— Проще простого, — охотно согласился Белый Жнец. — Но учти: шанс у тебя только один, смотри внимательно!

С этими словами он коснулся лба Цзэн Жоу концом своего жезла призыва душ. Из раны на ее призрачном челе вырвался луч черного света, развернувшись перед взором Чжоу Туна чередой живых картин.

На призрачном холсте возникла спальня. Цзэн Жоу сидела у колыбели, баюкая младенца. Внезапно к стеклу снаружи прижалось жуткое, бледное женское лицо, оплетенное длинными мокрыми прядями волос. В следующий миг рама с треском распахнулась, и тварь ворвалась внутрь. Не успела Цзэн Жоу издать ни звука, как черные косы призрака мертвой хваткой обвили ее шею, вздернув несчастную под самый потолок.

— Паршивая девка, ты посмела прикоснуться к моей вещи!

Голос нападавшей звучал на удивление звонко и чисто, точь-в-точь как у юной девушки лет шестнадцати. В нем не было привычного для призраков замогильного эха или глухого шипения. Да и сам ее облик разительно отличался от обычных неупокоенных духов, чьи контуры размыты грязными волнами потусторонней скверны. Эта сущность выглядела пугающе осязаемой. Под холодным лунным светом ее легко можно было принять за живого человека.

— Я... не... — хрипела Цзэн Жоу, тщетно пытаясь отодрать от горла удушающие волосы.

Но еще одна плеть черных прядей с сухим треском обвилась вокруг ее предплечья. Резкий рывок — и кость сломалась, как сухая ветка. Не слушая мольбы, призрак швырнул искалеченную женщину прямо в распахнутое окно.

Цзэн Жоу даже не успела закричать. Ее изломанное тело застряло в ветвях старого дерева, а стекленеющие глаза застыли, полные дикого, предсмертного ужаса, устремленные на парящую в оконном проеме фигуру.

— Как бы сильно я его ни ненавидела, он все равно принадлежит мне, — зловеще прошептала

дева.

Ее изящный силуэт в летящем белом платье казался хрупким и нежным, но лицо скрывала плотная, ядовито-зеленая пелена призрачной ци.

Видение рассеялось. Чжоу Тун глубоко вздохнул, пытаясь осмыслить увиденное. Что за странное создание напало на женщину?

Жнецы некоторое время хранили молчание. Переглянувшись, Се Биань нарушил тишину:

— Что ж, ты все видел. Нам пора возвращаться. Забираем душу и на перерождение.

— Пойдите. По округе рыщет столь опасная тварь, неужели вы оставите это без внимания? — с мягкой улыбкой поинтересовался Чжоу Тун.

Белое Непостоянство разразился хриплым, пробирающим до костей смехом, отчего его длинный язык снова вывалился наружу. Чжоу Тун даже бровью не повел, когда Жнец принялся привычно перекладывать ответственность:

— А на что тогда сдались вы, Небесные наставники? Вот сам с этой девкой и разбирайся.

Чжоу Тун не смог сдержать ироничной улыбки.

— Что ж, сделаю все, что в моих силах.

— Ха-ха-ха! — загоготал Се Биань.

Черное Непостоянство Фань Уцзю нахмурился, дернул напарника за широкий рукав и глухо буркнул:

— Отдай ему.

Белый Жнец охнул и хлопнул себя ладонью по лбу:

— Дряхлая моя башка! Чуть не позабыл.

Он запустил руку за пазуху, извлек из складок савана резной деревянный футляр и протянул Чжоу Туну.

— Твой покойный старик просил передать.

— Отец? — изумился Чжоу Тун.

Приняв коробочку, он бережно приоткрыл крышку. Внутри лежала личная печать Чжоу Да — та самая, с которой тот никогда не расставался при жизни.

— Он велел передать на словах, — добавил Белый Жнец, — что печать эта обладает сокрушительной мощью. Но пускать ее в ход разрешено лишь после того, как ты вернешься домой и заглянешь в вазу, что стоит с правого края на третьей полке его книжного шкафа.

— Понял, — Чжоу Тун почтительно склонил голову. Вглядываясь в знакомые очертания отцовской печати, он словно вновь воочию увидел суровое лицо Чжоу Да. Взгляд юноши потеплел. — Скажите... как он там? В подземном царстве?

— Да лучше всех, — ухмыльнулся Се Биань. — Вот только дел у него неупрочен: под его началом теперь миллионы грешных душ и злых призраков в самых глубоких кругах ада, вздохнуть некогда. К тому же он насквозь пропитался иньской скверной. Переживает, как бы не навредить тебе этой мертвечиной при встрече, потому и не поднимается в мир живых.

— Вот оно как... — тихо прошептал Чжоу Тун, сжимая футляр в пальцах.

Заметив его печаль, Белый Жнец сочувственно вздохнул и похлопал парня по плечу:

— Да не горюй ты так. Встретитесь еще, какие ваши годы. Вот помрешь — и общайтесь хоть целую вечность, времени у вас будет навалом.

Чжоу Тун потерял дар речи от такого утешения:

—...

Черное Непостоянство неодобрительно кашлянул. Се Биань беспечно отмахнулся:

— Ладно, заболтались мы тут с тобой, пора и честь знать — служба зовет. О челяди в усадьбе не беспокойся, мы все устроили. Проснутся поутру, и покажется им все это лишь дурным сном, так что оправданий придумывать не придется.

— Премного благодарен вам, почтенные господа. Доброго пути, — вежливо поклонился Чжоу Тун.

Жнецы удовлетворенно кивнули, опутали призрачную Цзэн Жоу цепями и бесшумно растаяли в клубах недогоревшего фимиама.

Внезапно из тающей серой дымки снова высунулась голова Се Бианя:

— Чуть не забыл! Самое главное-то он просил передать отдельно.

— Что именно?

— Истинный Небесный наставник должен возвращать в себе чистый дух праведности и видеть свой долг в защите справедливости. Коль скоро ты ступил на эту стезю, навек запечатлей в сердце четыре слова: «Твори добро, искореняй зло». И никогда не смей использовать священное искусство вопреки законам Небесного Дао, а уж тем паче — во вред невинным людям!

Белый Жнец произнес это на удивление торжественно и грозно. Слова его отдавались в ушах подобно раскатам грома. Чжоу Туну на мгновение показалось, что перед ним стоит сам Чжоу Да — строгий, непоколебимый.

Юноша низко склонился в глубоком поклоне:

— Буду помнить до конца дней моих.

Тем временем в глубинах Преисподней Черное Непостоянство хмурился все сильнее. Наконец он не выдержал и недовольно спросил напарника:

— Зачем ты солгал мальчишке?

— Эх ты, деревянная твоя башка, — закатил глаза Се Биань. — Ничего-то ты в людях не смыслишь. Живому человеку всегда нужна надежда. Без нее на земле никак нельзя.

Фань Уцзю лишь еще больше помрачнел и промолчал. Белый Жнец примирительно пихнул его локтем под ребра:

— Да брось ты кислую мину корчить! Пошли лучше в трактир, промочим горло. Парень-то не поскупился, столько ритуального серебра нам спалил — теперь целый месяц можем пить лучшее вино и ни о чем не тужить!

Едва силуэты Жнецов окончательно растворились в ночи, как все обитатели виллы, словно ведомые невидимой рукой кукловода, безмолвно разошлись по своим местам. Даже искалеченный труп безропотно поковылял обратно в сырой подвал.

Утро следующего дня

Проснувшись поутру, домочадцы мучились от жестокой головной боли. В головах царил туман, а события безумной ночи казались далеким, невнятным сновидением, которое никак не удавалось ухватить за хвост.

Чжоу Тун так и не сомкнул глаз до рассвета. Образ таинственной девы-призрака, сохранившей пугающую человеческую осязаемость, не давал ему покоя. Призвав тень из Наконечника Бронзовой Алебарды, он негромко спросил:

— Как думаешь, что она такое?

— Не знаю, — отозвался Лин Юань. — Насчет того, что она призрак, сомнений нет. Но на нее явно воздействовала какая-то посторонняя мощная сила, наделившая ее плотскими свойствами. По правде говоря, она в чем-то схожа с нашими духовными телами.

— Схожа, — согласился Чжоу Тун, задумчиво кивнув. — Но все же отличается. Так к какому же классу ее отнести?

— Не имею представления, — сухо бросил Лин Юань.

— А как насчет ее слов о «своей вещи»? Что она имела в виду?

—... Без понятия.

— «Без понятия», «не знаю»... — добродушно поддразнил его Чжоу Тун. — И как ты только умудрился прожить столько веков с таким багажом знаний?

Лин Юань недовольно фыркнул:

—...

— Издеваешься? С чего это ты сегодня сделался таким разговорчивым? — раздраженно буркнул дух.

Чжоу Тун промолчал, лишь загадочно улыбнулся.

— А если я буду молчать, тебе ведь станет скучно. Разве плохо, когда есть с кем перемолвиться словом?

— Хватит ухмыляться, — грубовато оборвал его Лин Юань. — Я же вижу, что ты места себе не находишь из-за слов Жнеца об отце.

Улыбка мгновенно сошла с лица Чжоу Туна. Он отвернулся к окну, устремив взгляд на залитые дождем горы.

— Вовсе нет. Ему моя жалость не нужна.

— Упрямец, — тихо хмыкнул дух.

Какое-то время в комнате царил молчание. Наконец тихий голос Лин Юаня нарушил тишину, мягким эхом отразившись от стен:

— У каждого своя судьба. Но твой отец наверняка хотел бы, чтобы ты прожил долгую и счастливую жизнь.

Чжоу Тун не ответил сразу. Когда дух уже решил, что сморозил глупость и переступил черту, юноша тихо, но твердо произнес:

— Я продолжу его дело. Буду нести свет и искоренять зло.

В это самое время Хань Цицин отчаянно пытался вырваться из липких объятий лихорадочного сна.

Его сознание блуждало в лабиринтах бесконечного сновидения, унося в далекое, почти стертое из памяти детство, от которого в реальности остались лишь крупички смутных образов.

Его тетюшка никогда не ладила с семьей Хань. Старую госпожу Хань до глубины души возмущал независимый, свободолюбивый и излишне своенравный нрав родственницы, и она при каждом удобном случае изводила ее придирками. Мать Хань Цицина, разрываясь между двумя любимыми женщинами, чувствовала себя отвратительно. В конце концов, после череды нелепых недоразумений и обвинений со стороны бабушки, тетю с позором выставили за порог. Оставшись без гроша, она уехала в Город А.

Когда Хань Цицину исполнилось пять лет, мать взяла его с собой в Город А, чтобы навестить изгнанницу.

В ту пору тетюшка владела крошечной лавкой на старой, бесконечно длинной улице. Интерьер магазинчика был устроен с изысканным вкусом и дышал древним благородством: холодный блеск изумрудного нефрита и едва уловимый сладковатый аромат благовоний — пожалуй, это все, что запечатлелось в памяти маленького мальчика о том визите.

Отношения между сестрами по-прежнему оставались натянутыми. Стоило им сойтись вместе, как тут же вспыхивала ссора. Мать слезно умоляла тетю вернуться в родное гнездо, но та лишь

упрямо качала головой. Матери ничего не оставалось, кроме как часами сидеть на стуле, тихо вздыхать и вести пустые разговоры до тех пор, пока рассерженная хозяйка лавки безжалостно не выпроваживала гостей на улицу.

В такие часы маленький Хань Цицин играл один у порога лавки.

Прямо перед входом росла раскидистая вековая ива. Если отмерить от нее шагов сто, упираешься в горбатый каменный мостик, за которым петлял тесный переулок. Тот выводил к чудесному Маленькому парку. Летом здесь распускались нежные лотосы, укрывая пруд изумрудным ковром, а их розовые бутоны казались столь же прекрасными, как легкий румянец на щеках его любимой тетушки.

Но... кто же привел его в это чудесное место?

Пятилетний Хань Цицин сидел у самой кромки воды, завороженно наблюдая за суетой золотых рыбок. Глупые создания то и дело хватали ртом скользкий по воде сор, принимая его за корм, тут же выплевывали обратно и снова бросались в погоню, совершенно не учась на собственных ошибках.

В воздухе разливался тонкий аромат лотосов. Запах этот был едва уловим, почувствовать его можно было, лишь склонившись к самой воде. Маленький Хань Цицин изо всех сил тянул ручонку к прекрасному цветку, но тот оставался недостижимым.

Вдруг перед глазами все потемнело — чьи-то нежные, теплые ладошки закрыли ему обзор.

— Маленький Хань, угадай, кто я?~ — раздался за спиной звонкий девичий голосок.

Мальчик замер, а через миг ладони скользнули прочь. Он резко обернулся и встретился взглядом с очаровательным девичьим личиком.

Девчушка с веселым смехом уселась рядышком. Ее серебристый хохот, казалось, улетал все дальше и дальше, растворяясь в летнем мареве в такт мерному покачиванию ее босых ножек...

— Мизинец к мизинцу, поклянемся до гроба! Сто лет не нарушим уговор!

— Слышишь, маленький Хань? Мы ведь договорились!

Хань Цицин резко открыл глаза, очнувшись от забытья.

<http://bllate.org/book/18246/1764707>